

ИСТОРИКО-МЕМОРИАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ Н.А. ЛАКОБА

ВОСПОМИНАНИЯ, МЕМУАРЫ...

I

Сухум, 2024

УДК 82-94
ББК 63.3(5Абх)614
В 76

Отпечатано при содействии
благотворительного фонда «Эвкалипт»

На обложке:
аллея пальм из Америки, посаженных в Сухуме в 1936 г.

Воспоминания, мемуары... Вып. I / Сост. С.З. Лакоба. – Сухум,
2024. – 32 с.

Г/р 978-5-166-25-04024

В первый выпуск новой серии «Воспоминания, мемуары...», издаваемой Историко-мемориальным музеем Н.А. Лакоба, вошли воспоминания Ирины Вардания и Инессы Аргун, посвященные, в основном, трагическим событиям 1930-х гг. в Абхазии.

Редактор – С.З. Лакоба
Компьютерный набор текста – Е.Г. Гегия
Верстка – К.И. Бигвава

Формат 60х90 1/16. Усл. печ. л. 2. Тираж 70 экз.

© Историко-мемориальный музей Н.А. Лакоба, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

ВАРДАНИЯ Ирина. Осколки из прошлого	5
АРГУН Инесса. О судьбе Владимира Гвалия и его семье... (Воспоминания внучки)	11
Об авторах	27
Фотоиллюстрации	28

ОСКОЛКИ ИЗ ПРОШЛОГО

* * *

В октябре 1932 г. секретариат ЦК ВКП(б) принимает решение о командировании студента последнего курса Агропромышленной Академии Анатолия Вардания для работы директором строительства Бзыбского лесокомбината и дороги на Рицу.

Узнав об этом, папа пишет письмо Нестору Лакоба, где говорит о том, что не имея опыта руководства строительством боится подвести его и товарищей. Но он вскоре соглашается и приступает к работе.

Первые трудности.

Пробивать дорогу в скалах тяжело это особенная технология, приходится очень точно все рассчитывать, знать породу камней. На помощь папе приходит мама, Вероника фон Белински. Ее близкий родственник (по-моему, с ее фамилией), инженер, который прокладывал дороги в Альпах, очень опытный в строительстве дорог австриец.

Его пригласили – он приехал. Работа шла тяжело, не было техники, камни возили на арбах. Три года строили дорогу, строили щадящими технологиями. Сегодня эта дорога – одна из лучших, ей 87 лет и она еще долго будет служить людям.

* * *

1 августа 1937 г.

Папа пришел домой, ведя за руку беспризорного мальчика лет 14. Он нашел его в парке, голодного. Папа сказал, что его зовут Юра и он уже будет жить у нас. Дома его приняли радушно, как говорится, обогрели, накормили. Он быстро привык к нам, особенно ко мне, много со мной возился (на радость няне), да и я, маленькая, потянулась к нему. Осенью его отдали в школу. Он оказался очень способным мальчиком, особенно удавались ему точные науки.

Как-то мама заметила, что он часто выбегает в парк и приходит расстроенным. (Мы жили в жилом доме в парке им. Курченко, раньше это была дача Шаншиевых).

Мама поговорила с ним, оказывается, его донимали его старые дружки- карманники. Потом папе пришлось его дружков устраивать в соответствующие детские учреждения.

Так мы жили дружно и весело до января 1938 г. Папу арестовали, а Юра исчез. Долго его искали, но он пропал бесследно. Через месяц его нашел папин водитель на берегу Кодора. Мальчик был очень напуган, все время молчал. Он жил с нами до маминого ареста, а потом исчез навсегда.

1941 год.

Маму освободили. Идет война, железные дороги бомбят, с трудом, больше месяца, если не дольше, мама добиралась домой. Однажды, на одной из станций она ждала поезд, стояла на перроне. Подошел эшелон с военными. Несколько человек соскочили с поезда, а один с криком – Тетя Вероника! – бросился к маме. Это был Юра. Мама со слезами говорила, как они, обнявшись, стояли

и плакали. Первые его вопросы были о папе, обо мне. О маме он догадался, откуда она едет. Эшелон тронулся, Юра побежал, а мама долго слышала его слова: «Я вернусь! Я вернусь, тетя Вероника!» Юра не вернулся. Погиб. Был бы жив он нашел бы нас. У абхазов есть такая пословица: «Ага бгыцый, ашьха бгыцый». Понимать надо так: «Листок с горы и листок с берега...» (вероятно встретятся). Так и мама с Юрой.

* * *

В 1936 г. папа был Председателем Сухумского горсовета. Помимо других объектов, он строил, скорее продолжал строительство двух корпусов Совмина (желтые здания у площади «Свободы»). У нас сохранились письма к Нестору Лакоба, Орджоникидзе Серго и другим, как идет строительство, какую помощь они оказывали, как завершали строительство этих прекрасных зданий. Так получилось, что третье здание, посередине, строилось под руководством (СУ-3) папиного племянника, моего двоюродного брата Владимира Вардания. Так, что все эти три здания связаны с нашей фамилией.

Папино детище – баня на ул. Воронова. Сейчас ее сносят, жилой дом на его месте будет.

В письме Нестору Лакоба папа очень подробно освещает это строительство, это письмо полностью опубликовано в моей книжке «Дочь за отца... отвечает» (Сухум. 2018), стр. 19.

* * *

К нам часто заходил Зураб Анчабадзе (жили на одной площадке). Мама знала его еще ребенком, дружила с его родителями, жалела его и всячески старалась обхаживать. Семья его в это время находилась в Тбилиси (жена Тина Сергеевна работала, а сын, Гия, учился). Они засиживались допоздна, вспоминали прошлое. Я же с большим интересом прислушивалась к их беседе.

Зураб вспоминал:

«Однажды утром я шел в школу, но свернул к Дому правительства. Было еще рано, а у здания уже собралось много людей. В это время подъехал Нестор, не успел открыть дверцу машины, как к нему подбежала толпа людей, подняла его на руки и понесла к подъезду. Я был изумлен. Как его любил народ!»

И, обращаясь к маме, говорит: «Тетя Вероника, покажите мне еще руководителя государства, которого бы народ носил на руках! Это был один – Нестор! У него был особый талант располагать к себе людей».

* * *

После реабилитации мама и я переехали в Сухум, получили квартиру. Мама, экономист по образованию, устроилась в строительную организацию СУ-2. Начальником был Гватуа Леонид Сордионович, талантливый инженер и прекрасный человек. (В 1952 г. реконструировали Абхазский драмтеатр, архитектором был Чикваидзе, во время войны в театр попал снаряд). Леонид Сордионович подбирал грамотных работников, невзирая ни на что. Контора их помещалась прямо против 2-й горбольницы. Так получилось, что в экономическом отделе все 4 сотрудника прошли сталинские лагеря. Мама моя, Юкденков Николай Иванович, летчик истребитель, сбит немцами, без сознания попал в плен, бежал из плена, отсидел 10 лет, Бесо Жвания – старик из Гали, вернулся из лагеря и Христо (грек), сосланный в Казахстан.

Все курили, свободно говорили обо всем.

Перед Первомайскими праздниками к ним в отдел зашел парторг Кока Миминошвили, неся в руках огромный портрет Сталина (тогда еще портреты висели везде). Я как раз зашла к маме и все это наблюдала.

Подойдя к маме он сказал: «Вероника Ильинична, подвиньтесь, пожалуйста, хочу повесить портрет над Вами». Мама пристально на него посмотрела и говорит: «Кока, ты что, издеваешься, специально к нам в отдел принес его? Сейчас же убери, хватит

сколько он на нашей шее висел, и еще здесь мы должны на него смотреть?!» Кока ушел с портретом, и тут разразился такой смех в отделе, что приходили узнать, что за веселье, из других отделов.

* * *

После реабилитации, из ссылки вернулась мама и ее подруги – Ксения Чалмаз, Вера Анчабадзе, Мэги Семерджиева, Вера Джергения, Зина Циколия и др. Они часто собирались у нас дома и, конечно, дядя Шура, брат Володи Гвалия, он чаще всех бывал у нас. Они говорили обо всем свободно, никого не боясь, никого не щадя. Затем переходили к самой больной теме – семье Нестора Лакоба, вспоминали и плакали. Они говорили о Сарии, как о жене и друге (достойной) руководителя государства, как о нежной матери, заботливой. Они давали Рауфу прекрасное образование и воспитание. За всеми его занятиями следила сама, занималась с ним музыкой. А какая она была хозяйка! Восхищались ее кулинарными способностями (они все бывали у них дома).

А какая она была гостеприимная! К ним в дом приходило много народа – крестьяне из деревни, горожане. Она всех встречала и провожала радушно.

До ночи не заканчивался разговор. Они все, как один, говорили о том, что Сарии нужно установить памятник, возле дома, но сетовали на то, что вряд ли они доживут. «Но ты, Ирочка, обязательно увидишь памятник».

* * *

Чаще всех у нас в доме бывал дядя Шура Гвалия (брат Володи Гвалия). Оттепель, говорить можно открыто, обо всем и обо всех.

Больше всех доставалось Платону Ивановичу Кикория, который, будучи секретарем обкома партии, писал доносы, на моего папу и Володю Гвалия. По его доносу их и арестовали. Дядя Шура не мог понять, почему он на свободе (он работал в Очам-

чирской 2-й школе, преподавал историю в старших классах, в том числе и мне).

Мало того, он еще выпустил книгу «Комсомольцы Абхазии», где очень тепло отзывался о моем папе и Володе Гвалия.

Дядя Шура собрался расправиться с ним физически, но мама и ее подруги ему не разрешили. Человек пожилой, некрасиво с ним сводить счеты.

Дядя Шура часто бывал в семье Нестора Лакоба. Сария очень тепло относилась к нему.

Он рассказывает:

«Как-то я пришел к ним в дом, двери открыты – никого, прошел в другую комнату – никого. Вдруг до меня донеслись звуки пения. Кто-то тихо напевал абхазскую песню. Пел, вкладывая в нее столько души и грусти, что у меня ком в горле застрял. Я стоял и слушал. Пение продолжалось долго. Когда окончилось пение, я вошел в комнату, там, у камина, сидел Нестор, очень грустный. Видимо он свою грусть в песне выразил».

О СУДЬБЕ ВЛАДИМИРА ГВАЛИЯ И ЕГО СЕМЬЕ...

(Воспоминания внучки)¹

Владимир Иванович Гвалия родился 1 января 1907 года в г. Ткварчал. Мать его Любовь Яковлевна Тарба вышла замуж в 16 лет за Гвалия Ивана Моисеевича (Иуане Моисеи-ица), который работал старшим приказчиком в магазине у ее отца Якуба Тарба. Якуб дал согласие и выдал дочь, так как Иуане был очень честным работником.

В 1918 году Иуане Гвалия умер от воспаления легких, а Володе было 11 лет и его отправили в Очамчиры к деду Якубу Тарба, а мать – Любовь Яковлевна вышла 2-ой раз замуж за Джансуха Пачулия и с ней оставались только младшие дети – Зина и Саша.

Дед Якуб – сыграл большую роль в воспитании Володи Гвалия, он никогда не повышал голоса на детей, а все объяснял доходчиво и вразумительно, если ребенок делал что-то неправильно.

Из воспоминаний Анатолия Константиновича Кация (внука Якуба) – Тар Якуп был купцом I гильдии.

¹Текст дается в сокращении. – *Прим. сост.*

Он был пятым ребенком в семье, 4 сестры были старше него. В 13 лет пошел к грекам и научился делать колеса для экипажей со стальными спицами и до 20 лет работал у них, накопил приличный капитал. На эти доходы смог похоронить отца Базалу Тарба (тогда помогать на похоронах могли только ближайшие родственники и члены семьи, но другие не должны были вносить деньги – это было позорно) и выдать старшую сестру Салиху за Капба (Қап) Дадына – в приданое он купил скот (их внуки Капба Вианор Эрастович, Энвер Эрастович и Нателла Эрастовна). Затем один турок (Кар-Оглы) посоветовал заняться закупкой скота на Северном Кавказе и перепродажей в Очамчире. Этим он занимался несколько лет. Потом ездить на Северный Кавказ стало труднее и те же греки посоветовали открыть магазин в Ткварчале под домом, взять приказчиков, а товаром снабжали они – греки.

Женился Якуб на Джопуа Қазырхан, которая была мусульманкой – он повез ее в Моквский храм и перекрестил в христианку, ей дали имя Нина.

Якуб имел двоих сыновей – Виссариона (Басарион) и Ивана (Серапион) и шестерых дочерей – Сашу (Салме), Любу (Елпина), Катю (Екатерину), Мотю (Машья), Вардикуа и Ольгу (Цуц). Постепенно расширялась его купеческая деятельность, он открыл еще два магазина в Очамчире, два – в Батуми и один в Сухуме. Приобрел небольшой корабль, который ходил из Батуми в Стамбул, из Сухума в Одессу и привозил товар (это все у него было до революции). Якуб Базалович Тарба прожил 91 год (умер в сентябре 1947), пережил сына Виссариона (расстрелян в 1938 г., реабилитирован в 1957 году), пятерых зятей, одиннадцать внуков. Похоронен у обрыва в Ткварчале на своих землях, которые подарил в 1917 г. многодетному крестьянину Арсане Тачулия (до сих пор за его могилой смотрят внуки Арсаны – мне рассказала одна из внучек).

Якуб наказал в день похорон – зарезать бычка и всех накормить. Из Очамчиры повезли тело Якуба на поезде до подъема в Ткварчал, а остальной путь несли на руках на белой бурке.

До 14 лет (1921 года) дедушка Володя жил у Якуба в Очамчирах. Начальное образование получил в селе Члоу. В 1921 г. его определили в Сухумскую среднюю горскую школу и 6-ой, 7-ой, 8-ой и 9-ый классы он закончил за 2 года. Его учитель посовето-

вал для развития русской речи больше читать. Затем он поступает в Сухумский педагогический техникум и блестяще его окончил.

В 1926 г. как наиболее способного и талантливого комсомольца – организатора (в рядах комсомола он состоял с 1921 года) Владимира Гвалия приглашают на работу в аппарат Абхазского обкома комсомола ЛКСМ Грузии на должность инструктора областного бюро юных пионеров. С конца 1926 по 1928 год он председатель областного бюро юных пионеров, затем руководил отделом культпросветработы, а через некоторое время был избран ответственным секретарем Абхазского обкома комсомола. В 1929 году он вступает в партию. В своих содержательных докладах и речах среди молодежи и в печати, он глубоко анализировал широкий круг вопросов, резко критиковал недостатки. Более всего его интересовала работа среди молодежи в деревнях, школах и культурно-просветительских учреждениях, вопросы подготовки и воспитания кадров национальной интеллигенции.

Проработав один год 1-ым секретарем Обкома комсомола Абхазии, он обратился к Нестору Аполлоновичу Лакоба и был направлен на учебу в Москву в Сельскохозяйственную Академию им. К.А. Тимирязева.

В эти годы дедушка Володя повстречал Надежду Сорокину, которая очень любила море. Надежда Александровна Сорокина выросла в традиционной семье, но детство было омрачено потерей родителей. Мать ее – Спицына Софья Владимировна (24 июля 1880 г. – 22 февраля 1922 г.) была дворянкой (а ее мать была немкой дворянского происхождения – Фон Лямпе), училась в гимназии, затем в Санкт-Петербурге окончила филологический факультет Университета, 2-ое высшее образование получила по классу фортепиано в консерватории, но уже будучи замужем и, имея двоих девочек, приняла решение поступить в Медицинскую Академию Санкт-Петербурга (давая частные уроки музыки и рисования) и успешно окончила ее. Уже начиналась гражданская война и Софья Владимировна считала, что России больше нужны врачи. Знала три иностранных языка – немецкий, французский и английский, была подругой младшей дочери художника Ильи Репина – Татьяны (они были одногодки).

Отец Наденьки – Сорокин Александр Герасимович (9 марта 1867 г. – 11 марта 1921 г.) окончил гимназию в Самаре и поступил в Горный институт в Санкт-Петербурге и стал горным инженером.

Создав семью – первое время они жили в Санкт-Петербурге, затем переехали в родной город Мелекесс Самарской губернии – на Волге, где еще жили его сестры и мать Матрона Федоровна Сорокина.

Там, в г. Мелекесс – Александр Герасимович работал горным инженером на заводе по переработке горных пород, а Софья Владимировна воспитывала дочерей Наденьку и Любочку и вела частную практику врача. На доме была вывеска: «Врач по внутренним и женским болезням». Софья Владимировна относилась сочувственно к своим пациентам, очень была человечна, никому не отказывала, если не могли расплатиться деньгами, оставляли продукты – в очереди на крыльчке перед домом, как рассказывала нам «мама Надя», сидели женщины – у кого-то на коленях лежали яйца в котомке, у другой – гусь или курица, кто-то на подводе привозил воз яблок и была категория пациентов, которых она принимала бесплатно и местные жители любили ее и относились с большой благодарностью. Дочкам своим Софья Владимировна строго говорила: «Ваше приданое – это ваше образование!»

К 1917 году на горнообработывающем заводе в Мелекессе сняли директора - немца и единогласно все рабочие проголосовали и выбрали директором Александра Герасимовича Сорокина за честность, добрые человеческие качества и профессионализм. Так он продолжал свою работу в должности директора до 1921 года, когда он простудился на заводе и заболел крупозным воспалением легких. Его не стало 11 марта 1921 года.

Софью Владимировну, как опытного врача, возили к больным солдатам русских войск – шла гражданская война, она их осматривала и назначала лечение. В то время свирепствовал сыпной тиф среди солдат, она заразилась и ее не стало 22 февраля 1922 года («Мама Надя» каждый год в летнее время ездила в Мелекесс на могилы родителей). Девочки – 14 летняя Наденька и 12-летняя Любочка остались сиротами – их отвели к священнику в городскую церковь и он сказал: «При церкви – они будут только на

хлебе и воде». Богатые родственники отказались их брать к себе. Их взяла к себе в 1922 году пациентка их матери – Софьи Владимировны, из благодарной памяти когда-то вылечившей ее и из жалости к детям. Простая и добрая русская женщина из города Мелекесса, жена сапожника – Евдокия Федоровна, у нее тоже росла дочь – их сверстница.

Через 2 года не стало Евдокии Федоровны и тогда их отвезли в Москву в детский дом на улице Пятницкой (в школьные и студенческие годы «Мама Надя» ездила со мной на Пятницкую и показывала здание бывшего детдома – старинный дворянский особняк с колоннами. В детском доме сразу заметили, что они были начитанными и уже образованными (знали французский язык и играли на фортепиано – их учила Софья Владимировна), Наденьке сразу дали ключи от библиотеки и поручили выдавать книги. Любочка в совершенстве играла на фортепиано на вечерах, она даже в выходные дни стала подрабатывать в кинотеатре «Художественный» на Арбатской площади (и сейчас работает этот кинотеатр у метро «Арбатская») – работала тапером – сопровождала своим исполнением немые фильмы, играя на фортепиано с утра до вечера. Много невзгод и лишений пришлось испытать девочкам в детском доме, но они могли постоять за себя. («Мама Надя» рассказывала – многие выпускники детдома стали инженерами, преподавателями, профессорами, врачами – они организовали встречу в 60-х годах).

Богатые родственники – младший брат матери Софьи Владимировны жил на Кудринской площади в Москве (в советское время она называлась площадь Восстания) – неподалеку от дома Ф. Шаляпина, девочкам разрешалось приходиться на обед только по воскресеньям, в их обязанности входило помогать прислуге сервировать стол к обеду, потом им выдавали по 3 копейки на трамвай – на проезд до детского дома на Пятницкой. А Наденька и Любочка шли пешком до Пятницкой, чтобы сохранить эти деньги на булочки.

Мама Надя рассказывала, что однажды – она стояла перед витриной магазина «Колбасная лавка» на Пятницкой и от головокружительного запаха колбас упала в обморок. Любочка и Наденька были хорошо воспитаны родителями и помнили наказания

матери Софьи Владимировны – «никогда не поднимать и не есть брошенные остатки еды и ни у кого ничего не просить, даже если очень голодны».

Девочки приняли решение идти по стопам Софьи Владимировны и поступили в медицинское училище и окончили его. Наденька стала работать медсестрой в яслях на Маросейке (куда за ней приехал дедушка Володя), а Любочка – операционной медсестрой в госпитале. В то время поезд из Москвы шел только до Сочи, Надежда Александровна по дороге на перекладных добиралась до Сухума. Как-то проезжал Владимир Иванович с другом, остановил машину и предложил подвезти. Юная, голубоглазая, с красивой гордой осанкой, Наденька покорила его сердце. Он ее спросил: «Как можно ближе с Вами познакомиться?» Она ему ответила: «Если у Вас серьезные намерения, приезжайте в Москву и официально просите моей руки у родственницы Татьяны Аркадьевны Сорокиной». И вскоре он выехал в Москву – сделал официальное предложение – в присутствии пожилой Татьяны Аркадьевны, которая сшила Наденьке свадебное платье из синего индиго под цвет ее глаз.

Встречать маму Надю поехала целая делегация близких родственников в Сочи (поезд шел из Москвы только до Сочи) на открытом автобусе – Иван Яковлевич Тарба с женой Веней Фоминичной Эшба, Ольга Яковлевна Тарба с мужем Кация Константиновичем, сестра дедушки Зинаида Ивановна Гваля с мужем Багратом Тахуцевичем Зантария. Все со слов моей бабушки было торжественно и весело, в Очамчирах, во дворе и в доме дедушки Якуба Тарба, встречали русскую невестку с почетом – стоял накрытый стол с яствами, напитками и фруктами. Якуб вышел к Надежде Александровне Сорокиной в черкеске, подпоясанный кинжалом – так рассказывала нам наша «мама Надя» – ее встречали с большим почетом.

После рождения Галочки в 1931 г. «мама Надя» готовится к вступительным экзаменам и поступает в Батумский институт, где была ее «стихия» – точные предметы. После окончания института она всю жизнь работала старшим преподавателем по начертательной геометрии в Пищевом институте, расположенном в районе метро Сокол (она возила меня к себе на работу – помню монументальное, красивое здание пищевого института), была очень стро-

гим, честным и справедливым преподавателем (в 1937 году – бабушке Наде как жене врага народа разрешили только закончить институт, но в аспирантуру поступать запретили).

Из рассказа Ольги Яковлевны Тарба-Кация (младшей шестой дочери Якуба, подруги Сарии Ахметовны Джих-оглы-Лакоба, она в 1937 г. была арестована и сидела в Драндской тюрьме вместе с Зинаидой Ивановной Гвалия целый год) – Нестор и Сария, когда соединили свои судьбы, поехали в Москву и остановились в гостинице «Метрополь». Сталину доложили об их приезде и он прислал генерала в гостиницу, который отвез их в Кремль. Сталин принял их очень радушно, ночевать оставил их в своей комнате. Утром пригласил позавтракать, когда зашли в столовую, то прислуги не было. В буфете стояли теплые грузинские национальные блюда: жареная курица, вино, закуски... и стол был сервирован на три персоны. Сария сразу привстала и стала переносить блюда из буфета на стол, затем позавтракали – и молодожены поехали на машине (которую закрепили за ними) в гостиницу «Метрополь». Сталин закрепил постоянно один номер в гостинице «Метрополь» за Нестором Лакоба (Нестор давал письменное указание, по которому могли там поселить его друзей).

Моя бабушка – Надежда Александровна рассказывала, когда они приехали на учебу в Москву в 1930 году, пока не было им выделено жилье – они с дедушкой Володей целый месяц жили в номере Нестора Лакоба в гостинице «Метрополь». На 1-ом курсе Тимирязевской Академии Владимира Гвалия избрали секретарем партийной организации, на 2-ом – всего курса и ему на территории Академии в деревянном доме из сруба – выделили комнату (в доме проживало несколько семей, была общая кухня, сени, остальные удобства во дворе). В 1931 году там родилась Галочка Гвалия. На 3-ем курсе Владимира Ивановича выбирают секретарем партийной организации всей сельскохозяйственной академии (сохранился его личный бланк секретаря) и секретарем райкома Тимирязевского района. В студенческие годы Владимир Иванович Гвалия был Председателем абхазского студенческого землячества (с 1933 г. по 1935 годы) в Москве. Из рассказов бабушки Надежды Александровны (мы ее называли «Мама Надя») – из Абхазии

приезжало столько абитуриентов, что не хватало раскладушек, и она им стелила прямо на полу, а рано утром бежала в институт, пока они спали, перепрыгивая через каждого. Владимир Иванович помогал устраивать нашу абхазскую молодежь в разные ВУЗы г. Москвы. Владимиру Ивановичу, как секретарю партийной организации Тимирязевской Академии, дают персональную машину. По рассказам, он даже стеснялся, когда шофер подъезжал к подъезду Академии и говорил шоферу: «Становись где-нибудь за углом, ведь профессора ходят пешком».

В 1934 году Владимира Ивановича Гвалия избрали депутатом Московского Совета 11 созыва, сохранилось и удостоверение за № 1730.

16/X 1935 года он поступает в аспирантуру сельскохозяйственной академии им. К.А. Тимирязева (выписка из протокола сохранилась). Заканчивает академию в 1935 году, диплом за подписью замдиректора сельскохозяйственной Академии им. К.А. Тимирязева по учебной части, профессора Н.В. Вильямс. 28 октября 1935 года выдан документ, что он закончил теоретический и практический курс обучения по факультету Агрохимии и почвоведения и срок защиты дипломной работы установлен на 19 января 1936 года. Но по решению вышестоящих органов (сохранилась справка) правительства Грузинской ССР его командируют на 6 месяцев в США для закупки семян субтропических растений. Защита дипломной работы была перенесена на октябрь 1936 года.

14 октября 1936 года Владимир Иванович по приезду из Америки защищает дипломную работу на тему «Опыт химической мелиорации Сухумского желтозема» на оценку «отлично» и ему присваивается квалификация агрохимика-почвовед. В справке указано – «Товарищ Гвалия В.И. направляется в распоряжение Сектора и распределения кадров НКЗ СССР для направления на постоянную работу по специальности. Свидетельство об окончании Академии высылается по требованию учреждения по месту работы тов. Гвалия В.И.»

«Кто не знал в Тимирязевке Володю Гвалия? Он являл собою пример для всех нас, особенно младших курсов. Он мне помнится очень умным, деловым, организованным, выдержанным товари-

щем», – пишет из Ленинграда бывший научный сотрудник Всесоюзного института растениеводства С. Дробкина.

Ввиду того, что в то время Абхазия остро нуждалась в квалифицированных кадрах, особенно в области сельского хозяйства, решением ЦК КП(б) Грузии В.И. Гвалия был отозван из Москвы и назначен Н. Лакоба директором Всесоюзного научно-исследовательского института влажных субтропиков (ВНИИВС) в гор. Сухуме.

В конце 1935 г. по решению вышестоящих органов Зафедерации и правительства Грузии Владимир Иванович Гвалия был командирован на 6 месяцев в США для ознакомления с субтропическим хозяйством и для закупки семян субтропических растений. Он посещает в США тунговые хозяйства фермеров – Беннета, Уайта, Чейса и Ридмона в штатах Миссисипи, Луизиана, Техасе, во Флориде и в Джорджии. Перед поездкой несколько месяцев изучал английский язык и имел при себе карманный справочник.

Сохранилась фотография, где Владимир Иванович закупает 10 мешков семян тунга на ферме в штате Миссисипи и рабочие-негры грузят их на повозку. На мешках написано: TUNG – BATUM USSR (Union of Soviet Socialist Republics) и отправил он их морским путем до Батуми.

Семена тунга впоследствии рассадили в Гульрипшском районе Абхазии и в Грузии, правительство всячески шло навстречу колхозам и совхозам. В 1936 году они получили до 10 миллионов рублей долгосрочного кредита, а в 1937 г. – 13 миллионов 200 тысяч рублей. Тунговое масло, добываемое из семян было необходимо для оборонной промышленности (для авиации). В своей отчетной статье «Промышленное развитие тунга в США и СССР», напечатанной в газете «Советская Абхазия», № 152 от 6 июля 1937 г. Владимир Иванович писал: «Широкое промышленное развитие тунга в Америке началось сравнительно недавно – 10–12 лет. На всех тунговых плантациях США в 1936 году был очень высокий урожай. По предварительным подсчетам департамента коммерции США, урожай должен был быть не менее 10 миллионов фунтов сушеных фруктов, раздробление которых даст приблизительно 2 миллиона фунтов масла. Тунговое масло является существенным сырьем, которое в Америке широко применяется в производстве лаков,

красок, линолеума, клеенки, типографских чернил, электрического оборудования и различных предметов обихода».

Владимир Иванович привез из Америки семена низкорослой кукурузы небольшой высоты 1 м 20 см, она давала урожай 2 раза за сезон и была желтого цвета.

Он привез саженцы нового сорта апельсина – «Вашингтон Новел» (Новый Вашингтон), их рассадили в районах, но сам его не успел попробовать, так как он дает урожай только после трех лет произрастания. Из рассказа Заиры Виссарионовны Тарба – Владимир Иванович в Америке ездил по разным штатам и в штате Калифорния ему очень понравилась аллея из высоких пальм, он закупил 28 пальм и привез через Батуми в Сухум, высадил в два ряда по ул. Фрунзе, ныне Аидгылара, около гостиницы «Абхазия» в 1936 году, которую строил его самый близкий друг – Анатолий Кутиевич Вардания. Эти пальмы и сейчас украшают нашу набережную.

Всем родственникам Владимир Иванович привез подарки, начиная с самого старшего Якуба Тарба – ему подарил электрическую бритву, тетям, племянникам, сестрам, братьям – никого не оставил без внимания. Школьнику – Анатолию Кацця – он привез монеты с дырками, которые на шее носили индейцы и много необычных открыток – Ниагарский водопад, изображение красивых зданий в Вашингтоне, Техасе...

Перед отъездом в Америку в 1936 г. он зашел к Нестору Аполлоновичу Лакоба и спросил: «Иузаазгари?» («Что тебе привезти?») Он ответил: «Отрезк сзаага – а костюм азыхэан» («Привези отрез – для костюма»). Дедушка Володя привез отрез шерстяной ткани серого цвета в тонкую черную полосу.

Из рассказа (воспоминания) Анатолия Константиновича Кацця: Нестора уже не было в живых и тетя Владимира Ивановича – Ольга Яковлевна Тарба-Кацця (мать Анатолия Кацця) сказала: «Не относи сейчас отрез – его уже нет в живых». Но он отнес его Сарие Лакоба, от которой уже многие отвернулись, и она была очень тронута, когда он положил его на кровать, где были сложены вещи Н.А. Лакоба.

В мае 1937 г. по рекомендации Абхазского обкома партии ЦК КП Грузии утвердил В.И. Гвалия по совместительству Нарко-

мом земледелия Абхазской АССР (Чалмаза Михаила в это время сняли). Проработал он пять месяцев до 15 октября 1937 г. В этот день на заседании обкома партии его освободили от должности Наркомзема Абхазии, но оставили директором ВНИИВСА и хотели исключить из партии – на что Владимир Иванович сказал: «Снять с работы вы можете, но из партии – нет, она меня воспитала, свой партбилет я никому не отдам и буду его держать при себе до смерти (происходило в Обкоме партии – здание было на углу Пр. Мира и Званба – 2-х этажное, в 1942 г. в него попал снаряд и оно сгорело, и на этом месте выстроили новое).

Из воспоминаний Заиры Виссарионовны Тарба (внучки Якуба Тарба).

Когда Владимира Ивановича сняли с работы Наркомзема Абхазии, Якуб Тарба позвал его в Очамчиры и наказал: «Уходи в горы, пережди там, потом спустись сюда – вниз, сейчас время нехорошее. На что Володя ответил: «У меня партбилет, моя партия во всем разберется, я обращусь к товарищу Л.П. Берия».

Якуб говорил о Володе Гвалия «Дагъ раџаамызт, дагъ рыкуамызт» – «Они были его недостойны и не суждено ему было остаться в живых».

Тар Якуб имел 2-х сыновей – Серапиона, 1896 г.р., (Ивана), супруга Веня Фоминична Эшба, и Виссариона 1899 г.р. – образование имел высшее, до ареста работал техноруком в «Красном лесоводе» Очамчирского района – дата расстрела 19.01.1938 года – первая жена Дина Васильевна Просторова – дети Лиля и Вадик, вторая жена Челидзе Леля Георгиевна – дети Заира и Аида из 6-х дочерей – самая старшая 1888 г.р. Саша – супруг Квачахия Алексей (Алықса), Люба, 1890 г.р., первый супруг – Гвалия Иван Моисеевич, второй – Джансук Пачулия, Мотя 1892 г.р. – супруг Джинджолия Пауле (Куаблук-иџа), Екатерина, 1894 г.р. – супруг Джобава Зиновий (Зоркан-иџа), Вардикуа – 1900 г.р. – супруг Джобава Ипатий (Зоркан-иџа), Ольга 1902 г.р. – супруг Кация Константин (Казауз-иџа) – расстрелян 27.03.1938 года, а Ольга Яковлевна была арестована и сидела год в Драндской тюрьме.

Из рассказа Тамары Ивановны Тарба-Когония.

Якуб выдавал замуж своих дочерей, соблюдая все традиции. Старшую дочь Сашу (бабушка Вахтанга Левановича, Ирины Левановны, Эвелины Левановны Тужба) выдал за Квачахия Алексея и в приданое дал всего по 12: 12 коров, 12 одеял, 12 подушек... Остальным четверым – Любе, Екатерине, Моте, Ольге – всего по 6, пятую дочь Вардикуа оставил без приданого, так как она без благословения родителей убежала из отцовского дома (когда Якуба не было) – ее похитил родной младший брат другого зятя Джобава Ипатия Зоркановича. Прадед Якуб был рассержен и не разрешил ей приходиться в дом. Только перед смертью в 1947 г. разрешил попрощаться и позвал детей Вардикуа – Нуцу Ипатиевну, Алексея Ипатиевича, Сулико Ипатиевну и подарил каждому по золотой 10 рублевой николаевской монете.

Дедушка Володя, когда его сняли с работы в октябре 1937 г., предчувствуя тяжелые события (есть фотография – у него очень грустный взгляд – уже была посажена в Драндскую тюрьму его младшая сестра Зинаида Ивановна Гвалия – 1910 г.р., ее супруг – Нарком просвещения Абхазии – Баграт Тахуцевич Зантария был расстрелян 17 сентября 1937 г., проживали по ул. Фрунзе, д. 46 – дом табакостопа Топчяна, реабилитирован 23 июля 1957 г.) поехал в г. Гали к Вардикуа Яковлевне, своей тете, и сказал: «Если со мной что случится – ты возьми Галочку к себе (а бабушка Надежда Александровна заканчивала учебу в Бауманском институте в Москве) может это помирит Вас с Якубом и пройдет его гнев – он простит тебя».

5 ноября 1937 г. в Сухуме находился Л. Берия, он был в бывшем кабинете Н.А. Лакоба в ЦИКе – ныне АБИГИ. А 4 ноября 1937 г. НКВД запросил у прокурора Шония санкцию на арест В.И. Гвалия – бумага подписана Наркомом внутренних дел Пачулия (в деле Владимира Ивановича Гвалия). Владимир Иванович пошел на прием к Л. Берия. Тот сидел за столом, а рядом стояли Платон Кикория – секретарь обкома партии и Миша Делба – общественный обвинитель только что завершившегося процесса по делу Лакоба. Они были авторами анонимного письма-доноса, по которому Владимира Ивановича арестовали. Не ответив на приветствие дедушки Володи, Л. Берия сказал: «Не ожидал, не ожидал, Гвалия». Дедушка Володя прошел один квартал вниз до дома Топчяна, где

жила на 1-ом этаже его тетьа Ольга Яковлевна Тарба-Кация, увидев ее в окне – рассказал об этом. Затем прошел еще один квартал до Ботанического сада, а там уже ждала машина и его арестовали.

В деле за № 29147 Объединенного государственного управления НКВД по обвинению гражданина Гвалия Владимира Ивановича по статье 58\10, 58\11 Уголовного кодекса Грузии начатом в ноябре 1937 г. (передали Галине Владимировне Гвалия) записаны допросы, где Владимира Ивановича Гвалия обвиняют, что он является членом контрреволюционной троцкистской организации, возглавляемой – бывшим председателем ЦИК Абхазии Агрба Алексеем Сергеевичем, что эта организация ставила своей целью свержение Советской власти в Абхазии, ликвидацию Вождя народов и установление буржуазного строя в Абхазии, проводил контрреволюционную работу, заключающуюся в вербовке новых членов этой контрреволюционной организации и в осуществлении к-р задания к-революционером А.С. Агрба по линии сельского хозяйства. Его подвергли зверским пыткам – сокамерники, впоследствии вышедшие на свободу, – Кондрат Дзидзария и Николай Ксандопуло рассказывали о гноящихся ранах на ногах Владимира Ивановича. В деле подшиты заявления матери – Любви Яковлевны Тарба к Наркому внутренних дел СССР – тов. Л.П. Берия, от 21 апреля 1940 г., народному комиссару внутр-х дел Абхазии Какучая, от 10 апреля 1940 г., председателю комиссии по разбору политических дел, от 20 марта 1940 г., председателю Президиума Верховного Совета СССР товарищу К.Е. Ворошилову, от 5 февраля 1954 г., министру внутренних дел СССР тов. Круглову, от 5 февраля 1954 г., генеральному прокурору СССР товарищу Р.А. Руденко.

22 ноября 1937 г. исключили из рядов КП (б) Грузии.

26 декабря 1937 г. – дата заседания Тройки НКВД ГССР – докладчик Карванопуло, участвовали Гоглидзе, Церетели, Талахадзе, Морозов.

Приговор: Расстрел с конфискацией имущества. Дата расстрела 08 февраля 1938 г. 27 декабря 1955 г. реабилитирован, справка № 1/32 – Председатель Верховного суда Абхазской АССР Шамба М.М.

После ареста Владимира Ивановича, Вардикуа Яковлевна (его тетьа) Тарба-Джобава выполнила его просьбу, Галочка росла среди

ее детей – Нуци, Алеши, Сулико в Гали (и всю жизнь любила их, как родных, и нас, своих детей, также воспитала в духе родства). Семья была полна заботы и внимания, все дружно трудились по хозяйству, а по вечерам вместе пели и Галочка считала Вардикуа – своей второй матерью.

Надежда Александровна Сорокина пережила страшные годы репрессий. Из воспоминаний Александра (Шура) Ивановича Гваляя – младшего брата дедушки Володи, который учился в Бауманской академии и как-то у метро около академии в 1937 г. ему повстречался однокурсник Володи Гваляя. Он обратился к Александру Ивановичу: «Знаешь, Саша, я встретил Надю Сорокину – она еще ходит на свободе, написал заявление в НКВД и несу его». Саша ответил: «Ты опоздал, ее уже посадили», – взял у него донос-заявление и разорвал.

Надежда Александровна приехала в Гали за Галочкой, но на домашнем совете Ипатий Зорканович Джобава сказал: «Надежда – сейчас времена тяжелые, нам легче прокормить Галочку, пусть пока она будет у нас – ведь есть своя кукуруза, фасоль, овощи, фрукты и она дала согласие».

«Мама Надя» на Соломенной сторожке в годы ВОВ 1941–1945 гг. осталась только с одними соседями (три семьи покинули дом из-за холода), дом не отапливался, температура в комнате зимой была +3 градуса, был голод, у бабушки была дистрофия III степени. В 1941 году, когда немецкие войска подошли к Москве, в Соломенной сторожке было видно зарево огня на передовой линии. Ее младшая сестричка, Любочка Сорокина, ушла на фронт операционной медсестрой, госпиталь под Курском, где они оперировали раненых бойцов, был окружен в 1941 году фашистами и всех расстреляли.

Все годы «Мама Надя» обращалась в разные военные и поисковые инстанции, надеясь на чудо – найти свою сестричку. «Маме Наде» очень помогла в тяжелые годы войны супруга академика Н.В. Вильямса, которая жила также на территории сельскохозяйственной Академии им. К.А. Тимирязева. Ее супруг преподавал дедушке Володе почвоведение и агрохимию, он вывел сорт груш, названный в его честь «Вильямс», ему установлен бронзовый памятник перед Академией (сохранилась справка, выданная В.И. Гваляя за его подписью).

«Мама Надя» на Соломенной сторожке за домом в 1940–1946 гг. разбила огород и выращивала овощи: лук, морковь, све-

клу, картофель и зелень – это было большим подспорьем в те страшные голодные годы. Она работала в Пищевом институте, преподавала начертательную геометрию, за все годы работы не брала ни одного больничного листа, была очень строгим и требовательным преподавателем.

По рассказам «Мамы Нади» – дедушка Володя был открытым человеком, добрым, человеколюбивым, где бы он ни был – он шутил, вокруг него стоял смех и собиралась молодежь.

Его самым близким другом был Анатолий Кутиевич Вардания. В Московском абхазском землячестве говорили: «где Анатолий Вардания, там и Володя Гвалия». На них обоих донос написал в 1937 г. один человек Платон Кикория, приговор Тройки НКВД был подписан в один день – 26 декабря 1937 года – лучшие сыны Абхазии безвинно были расстреляны.

Волею судьбы потомки их, правнуки Астан Гулия и Георгий Абухба, – также близкие друзья.

Вспоминается, когда я заканчивала 10-ую среднюю школу им. Н.А. Лакоба в 1976 году – мы с мамой после выпускного экзамена пошли на набережную к Драмтеатру сфотографироваться и вдруг мама мне сказала: «Внимательно посмотри на мужчину, который идет в нашу сторону». Это был П. Кикория, который подошел и спросил: «Галочка, это твоя дочь?» Он преподавал маме в Очамчирской школе историю, позже писал о тех абхазцах, которые по его доносу были расстреляны. Мама сказала мне: «У него умерла дочь, жена и другие близкие». Я подумала – в одном детективе Агаты Кристи сказано: «Жернова Господни мелют медленно, но верно».

Мой отец Аргун Меджит Мустафович будучи прокурором Абхазской АССР с 1960 г. по 1978 год сделал запрос в Тбилиси в архив НКВД – о предоставлении дел граждан Абхазии, репрессированных в 1937–38 гг. Супруг Ирины Анатольевны Вардания – Константин Думава, будучи заведующим отделом обкома партии, привез из Тбилиси эти дела и дело Владимира Ивановича Гвалия за № 29147, которое передал маме – Галине Владимировне Гвалия.

Галочка Гвалия росла с клеймом «дочери врага народа», она с отличием закончила среднюю школу в Ткварчале и на красный диплом в 1953 году окончила филологический факультет педагогического института им. А.М. Горького.

Бабушка – Надежда Александровна всегда приезжала к нам в Сухум из Москвы на летние и зимние каникулы и в один из ее приездов заехал ее деверь Шура Гвалия (Александр Иванович – младший обрадовал Владимира Ивановича) и сказал ей: «Надя, я знаю у кого находится Ваша библиотека в Очамчирах, поедем, вернем». Она ответила: «Нет, не надо – это вызовет сильное волнение, не хочу, пусть эти люди читают наши книги, отмеченные факсимиле В.И. Гвалия».

«Мама Надя», приезжая 2 раза в год в Сухум занималась со своими внуками по всем точным предметам – физике, химии, алгебре, геометрии и по черчению, соблюдая все каноны педагогики – никогда не давала готовых ответов, а наводящими вопросами заставляла самих думать и правильно решать примеры и задачи и мы к началу учебного года знали программу по этим предметам на десятки параграфов вперед. Она была очень образованным и духовно богатым человеком.

В годы моей учебы в I Московском медицинском институте им. И.М. Сеченова мы с бабушкой после занятий и посещения мною институтской библиотеки ходили в театры (Большой театр, Малый академический театр, Государственный академический театр им. Е. Вахтангова, МХАТ им. Горького, Центральный академический театр Советской Армии, театр «Оперетты», театр на Таганке, театр им. Ермоловой, театр киноактера Московский академический театр сатиры, Московский академический театр им. Вл. Маяковского, Московский государственный театр Ленком, театр на Малой Бронной), музеи (музей изобразительных искусств им. Пушкина, Государственная Третьяковская галерея), кино. Как-то в 1981 году перед сеансом художественного фильма в кинотеатре «Киев» у метро «Кутузовская» в фойе была выставка картин и подошел мужчина в военной форме с дамой и обратился к «Маме Наде»: «Добрый вечер, Надежда Александровна! Я Ваш бывший студент (и представился), сейчас работаю в конструкторском бюро – очень благодарен Вам за те знания, которые Вы нам дали. Вы были очень строгим и честным преподавателем и думаю, что еще строже надо быть со студентами».

Александр Иванович Гвалия долгие годы искал свидетелей расстрела Владимира Ивановича и выяснил, что заключенных свозили в Нижнюю Эшеру и на берегу реки Гумиста расстреливали.

Надежда Александровна покоится на Ново-Хованском кладбище в г. Москве, ушла в мир иной 11 января 1997 года.

ОБ АВТОРАХ

Ирина Анатольевна ВАРДАНИЯ, родилась в Сухуме в 1936 г. в семье соратника Нестора Лакоба, председателя Сухумского горисполкома Анатолия Кутиевича Вардания (1905–1938) и Вероники фон Белински. Окончила филологический факультет Сухумского пединститута, много лет работала учителем русского языка и литературы в школе-интернате № 1. В данное время – научный сотрудник Института педагогики при Министерстве просвещения Абхазии. Заслуженный учитель Республики Абхазии, кавалер ордена «Ахьдз-Апша». Автор воспоминаний «Дочь за отца... отвечает» (Сухум, 2018).

Инесса Меджитовна АРГУН, родилась в Сухуме в 1959 г., внучка соратника Нестора Лакоба, ученого-агронома, первого директора НИИ субтропического хозяйства, наркома земледелия Абхазии Владимира Ивановича Гвалия (1907–1938). Окончила 10-ю среднюю школу им. Н.А. Лакоба (1976), 1-й Московский мединститут им. М.И. Сеченова (1983), врач ультразвуковой диагностики Сухумской городской клинической больницы. Заслуженный врач Республики Абхазия. Брат, Владимир Меджитович Аргун, работает в Москве, хирург Национального медицинского исследовательского центра онкологии им. Н.Н. Блохина, кандидат медицинских наук.

ФОТОИЛЛЮСТРАЦИИ

*Слева направо: Владимир Иванович Гвалия, Нестор Аполлонович Лакоба,
Квачи Надарейшвили. 1936 год*

*Владимир Иванович Гвалия.
1936 год*

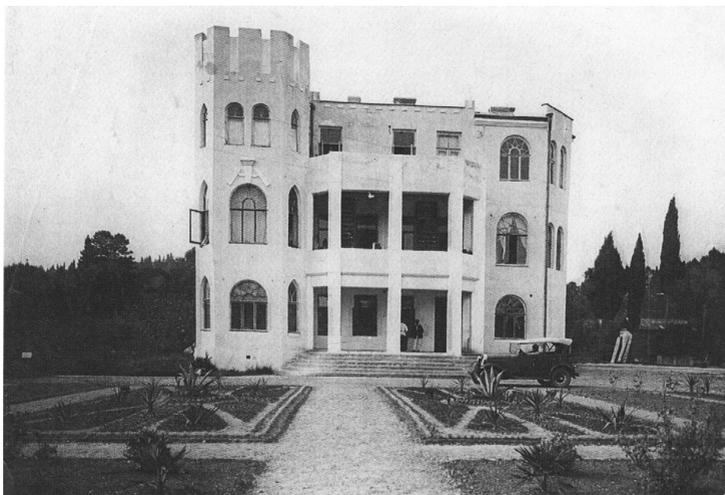
*Владимир Гвалия.
1937 год, перед арестом*

В.И. Гвалия – председатель областного бюро юных пионеров. 1926 год

*Слева направо: Константин
Каця, Самсон Чанба,
Якуб Тарба,
маленький Анатолий Каця,
Ольга Тарба-Каця,
Зинаида Гвалия*

Главное здание ВНИИВС. 1935 год

*1936 год. На параде 7 ноября. Коллектив ВНИИВС.
В.И. Гвалия – в первом ряду, в центре*

*1936 год, Америка. В.И. Гвалия в штате Миссисипи
закупает семена тунга*

*1962 год.
Гвалия Галина Владимировна –
завуч старших классов
Сухумской горской школы № 10*

Аргун Меджит Мустафович